

The book cover features a central illustration of a man and a woman sitting at a small round table in a cafe. The man, on the left, has dark hair and is wearing a blue and white striped short-sleeved shirt and blue jeans. He is holding a black coffee cup. The woman, on the right, has blonde hair and is wearing a white top with a purple apron and purple jeans. She is also holding a black coffee cup. On the table between them is a small white vase with flowers and some pastries. The background is a warm orange color with faint outlines of cafe furniture and a window. Above the title, there are several pink hearts of different sizes, and the largest heart contains the text 'ROMAN SO VKUSOM KAPUCHINO'. The top and bottom borders of the cover are purple with decorative elements.

Роман со вкусом капучино

Анна Антонова

Киноколледж

Анна Антонова

Роман со вкусом капучино

«Автор»

2010

Антонова А. Е.

Роман со вкусом капучино / А. Е. Антонова — «Автор»,
2010 — (Киноколледж)

ISBN 978-5-699-40550-3

Аля разочаровалась в парнях. Эти эгоистичные бесчувственные существа могут только портить девчонкам жизнь!.. Дима, перешедший в их колледж, вроде бы вел себя иначе, но Аля все равно ему не верила. Даже когда он позвал ее поучаствовать в оригинальной игре с поиском клада, она сомневалась и не знала, как реагировать на его знаки внимания. Но когда парень упал в лесу и серьезно повредил ногу, Аля стало не до размышлений – надо было спасать незадачливого поклонника! Если бы она знала, к чему это приведет...

ISBN 978-5-699-40550-3

© Антонова А. Е., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Антонова

Роман со вкусом капучино

Глава 1

Ты не веришь в чудеса

Арбат был как Арбат. Кричащие витрины магазинов, вычурные вывески кафе, длинный забор плавно перемещающейся вдоль улицы стройки, мостовая, по которой страшно неудобно шагать на каблуках... Она идет поступать в театральное училище.

Аля тряхнула головой, словно только сейчас поняла, где и почему находится, немедленно попала каблуком в ямку и оступилась.

– Саш, осторожнее. – Дима попытался подхватить ее под локоть, но она непроизвольно отшатнулась.

– Предпочитаю, чтобы меня называли Алей, – холоднее, чем рассчитывала, ответила она.

– Извини... – смешался тот. – Просто я подумал, если Александра...

– Саша – мужское имя, – отрезала Аля. – А я – девушка.

– И очень красивая, – тут же ввернул Дима.

Аля поморщилась – комплимент не доставил никакой радости. Она уже остро жалела, что связалась с этим парнем.

Познакомились они в школе искусств подмосковного города Щербинки – Алю и ее одноклассников по киноколледжу привез туда на годовой отчетный концерт их общий преподаватель по актерскому мастерству Иосиф Петрович. Аля тогда пребывала в расстроенных чувствах – ее одноклассник Антон добился того, чтобы она в него влюбилась, а потом самым свинским образом сделал вид, что между ними ничего нет, не было и не предвидится¹. После концерта щербинцы устроили чаепитие, на котором Антон без зазрения совести ухаживал за местной роковой красоткой Катей. Ошавевшая от его предательства Аля демонстративно обменялась с Димой телефонами и договорилась вместе пойти поступать в театральное училище.

Они пока окончили только десятый класс, но на первом прослушивании никаких документов не спрашивали. Конечно – при конкурсе больше двухсот человек на место нереально регистрировать всех желающих! Сначала три отборочных тура творческого испытания, и только у тех, кто его пройдет, попросят документы и результаты ЕГЭ, будь оно неладно.

Она собиралась позвонить Диме назло Антону, но тот опередил ее: сам позвонил прямо на следующий день после знакомства. Аля взяла трубку, не посмотрев на определитель, и очень удивилась, услышав незнакомый голос.

– Привет, это Дима, – запинаясь, проговорил он. – Мы вчера в Щербинке познакомились.

– Я помню, – коротко отозвалась Аля.

После предательства Антона любезничать с парнями она не собиралась.

– Мы договаривались в театральное училище... – начал было он, не договорил и умолк.

Аля не хотела ему помогать, но пауза затягивалась, и она все-таки спросила:

– Ты что-нибудь узнал?

– Да, – обрадовался Дима. – Посмотрел на сайте. Десятого июня первое прослушивание по предварительной записи. Могу съездить нас записать.

– Запиши, – пожала плечами Аля, хотя собеседник не мог видеть этого жеста.

¹ Подробнее читайте об этом в книге Анны Антоновой «Блюз ночного дождя».

В голове мелькнуло, что съездить в училище ей было бы гораздо проще – она живет в Москве, а Диме придется тащиться из Щербинки, – но предлагать свои услуги Аля не стала. Хватит уже церемониться с этими недалекими созданиями мужского пола! Месть Антону доставила бы ей больше удовлетворения, но за неимением его под рукой она отыгрывалась на новом знакомом.

– А что нужно для прослушивания? – спохватилась она.

– Подготовить чтецкую программу – несколько стихотворений, отрывок из прозы и две-три басни, одну обязательно Крылова, – как по писаному доложил Дима.

– А еще чью можно? – хмыкнула она. – Лафонтена? Или этого, как там его, Эзопа?

– Сергей Михалков вроде писал басни, – неуверенно предположил Дима.

– Про дядю Степу?

– Нет, про дядю Степу это же не... – на полном серьезе начал объяснять он, но Аля перебила:

– Я пошутила. Ладно, найдем. – И вздохнула: – Опять что-то учить...

– А ты думала, – непринужденно отозвался Дима. – Представляешь, каково актерам, у которых главная роль в спектакле?

– Не представляю, – буркнула она. – Это все или еще что-то нужно?

Разговор по мобильному затягивался, но Диминых денег ей было не жалко.

– Ты не поверишь, – хмыкнул он. – Могут попросить продемонстрировать дополнительные способности: пение, танец...

– Слушай, а может, ну его... – испугалась Аля, но Дима успокоил ее:

– Вы разве спектаклей никаких не ставили? Сбациаешь что-нибудь оттуда.

– Песнопений у нас не было, – засомневалась Аля.

– Да ладно, вряд ли до этого дойдет, – «успокоил» он.

– А это все? – с подозрением поинтересовалась она.

– Ну... Еще могут попросить по заданию комиссии исполнить несложный этюд, – смешался Дима и тут же бодро затараторил: – Ну это совсем просто – этюды-то у вас точно были?

– Да, – мрачно подтвердила Аля.

Конечно, красиво было на глазах у всех непринужденно договориться с незнакомым парнем пойти поступать в театральное училище. Но теперь, когда выяснились подробности этого мероприятия, оно перестало казаться легкомысленной забавой. Теперь придется готовиться, учить стихи и прозу, а потом позориться перед комиссией... В последнем Аля почему-то не сомневалась, несмотря на то, что год проучилась в киноколледже, сыграла в двух спектаклях и несчетном количестве этюдов.

И не отступишь теперь – и ее, и Димины однокласснички непременно поинтересуются их успехами. Пускай уже начались каникулы – наверняка никто не забудет этой волнующей темы. Да и не факт, что они не встретятся до осени...

Дима в тот же вечер отчитался, что записал их на прослушивание, и Аля принялась рыться по книгам и Интернету. С басней было проще всего – берешь сборник Крылова и выбираешь. Стихотворение она взяла тематическое, как нельзя более подходящее к ее теперешнему настроению – «Сжала руки под темной вуалью» Анны Ахматовой. Разучивая его, Аля представляла, что речь идет об Антоне, и это здорово помогало настроиться на нужный лад:

Сжала руки под темной вуалью...

«Отчего ты сегодня бледна?»

– Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна.

Было в этих внешне простых строчках что-то завораживающее и волнующее.

В качестве отрывка из прозы она выучила кусочек из любимого романа «Мастер и Маргарита», начинавшийся со слов «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город...»

Книга «Мастер и Маргарита» напомнила об Антоне: зимой они всем классом ходили на выставку Нади Рушевой, художницы, которая умерла в семнадцать лет, и вместе восхищались ее иллюстрациями к роману Булгакова... Аля потрясла головой, прогоняя неуместные воспоминания, и снова раскрыла книгу на нужном месте. Несмотря на ритмичность и красоту слога, учился отрывок тяжеловато.

И вот Арбат как Арбат, кричащие витрины магазинов, вычурные вывески кафе... И никто не догадывается, что они не просто гуляют, а идут поступать в театральное училище. Совсем недавно, в апреле, они были тут с Антоном – тоже шли в Щукинское, на отчетный концерт первокурсников по приглашению Иосифа Петровича...

Хватит уже думать об Антоне! – одернула себя Аля. А что делать, если все, ну буквально все о нем напоминает! От того, что сейчас рядом с ней совсем не Антон, Аля злилась на Диму еще сильнее. На нее какое-то помрачение нашло, когда она договорилась встретиться с этим совершенно чужим ей парнем!

– А что будем делать, если поступим? – как ни в чем не бывало весело поинтересовался Дима.

– Ты поступи сначала.

– А что такого? Бывают же чудеса. Всякие актеры известные любят рассказывать, как пришли поступать в театральный на спор или за компанию...

– И совершенно случайно знали несколько стихотворений, отрывок из прозы и басню Эзопа, – подхватила Аля.

– Это уже мелочи жизни, – отмахнулся Дима. – Ты что, не помнила никакого стиха наизусть? Или басни про сыр?

– Кстати, о сыре и известных актерах, – задумчиво отозвалась Аля. – Слышала я интервью какого-то профессора театрального института – чуть ли «Щуки», кстати. Его спросили, интересно ли принимать вступительные экзамены. А он ответил: «Помилуйте, что ж тут может быть интересного – с утра до вечера слушать, как вороне бог послал кусочек сыра...»

Дима хихикнул:

– Ну мы-то не будем рассказывать про кусочек сыра. Или... – Он с тревогой посмотрел на нее, и Аля поспешила успокоить напарника:

– Не будем. Я нашла самую неизвестную басню Крылова.

– Какую?

– Называется «Леци».

– А про что там?

– Ты разве приемная комиссия? – неожиданно смутилась она.

– Да ладно, порепетируешь.

– А у тебя какая басня? – сменила тему Аля.

– Тоже самая неизвестная.

– А как называется?

– Ты разве приемная комиссия?

– Ладно, – вздохнула Аля. – Замяли. Репетировать не будем. Поздно уже. Прибережем наш пыл до экзаменаторов.

– Угу, – поддакнул Дима. – Не стоит раньше времени распылять вдохновение. – И без перехода спросил:

– А ты когда-нибудь мечтала стать актрисой?

Аля смутилась и неожиданно честно ответила:

– Да. Иначе зачем бы я в киноколледж пошла? А ты?

– И я, – с потешно виноватым видом развел руками Дима. – Иначе зачем бы я в школу искусств пошел?

Они одновременно рассмеялись, и Аля впервые со дня их знакомства подумала, что Дима не так уж плох, как она себе вообразила.

– Кстати, там еще ограничение по возрасту есть, – неожиданно сказал он.

– Ты же говорил, документы на прослушивании не спрашивают, – смутилась Аля. – На нас ведь не написано, что мы еще школу не окончили?

– Да нет, – засмеялся Дима. – По верхней границе. Девушек принимают до двадцати двух лет, юношей – до двадцати пяти.

– Ничего себе! – возмутилась она. – Что за дискриминация?

– Дефицит, как везде, – усмехнулся Дима.

Аля искоса взглянула на него и благоразумно решила не уточнять, где еще дефицит парней.

– А если кто-то пройдет три тура, а потом выяснится, что он старше? – вместо этого поинтересовалась она.

– Тогда не знаю.

– Нам на литературе рассказывали, – не унималась она, – что Шукшин в двадцать пять лет в театральное поступил и там над ним все смеялись.

– Таких, как Шукшин, или Ломоносов какой-нибудь, единицы, – философски заметил Дима. – Нелепо полагать, что это наш случай.

– Не веришь ты в чудеса, – вздохнула Аля.

– А ты как будто веришь, – отозвался Дима, и она не нашла что возразить.

Глава 2

Море обаяния

Они свернули с Арбата, и их словно невидимой стеной отрезало от шумной пешеходной улицы.

– Староколенный переулок, – прочитала Аля и хихикнула, пытаясь представить неведомые «старые колена».

В этом уютном месте со старинными особнячками мало что напоминало о современности.

– Будто в другом веке оказались, – прочитал ее мысли Дима.

Аля с подозрением покосилась на него – к чему бы эта телепатия? – но решила списать на банальное совпадение и штампы сознания.

Когда они вошли во двор училища, толпившаяся там публика подозрительно оглядела вновь прибывших.

– Ничего себе, – присвистнул Дима, разглядывая народ. – Как нас много...

– Конкурс – двести человек на место, – напомнила Аля. – И мы портим статистику.

– Да ладно, знаешь, сколько тут таких!

– Думаешь, кто-то еще развлекается поступанием в театральное? – с сомнением протянула она, но Дима уже не слушал:

– Пойду проверю, есть ли мы в списке.

– Ты же нас записал.

– Ну мало ли. А то прождем, как дураки, и уйдем ни с чем.

«Ну и хорошо», – чуть было не ляпнула Аля.

Идея пойти поступать в театральное училище внезапно перестала ее радовать. Ох, не оберутся они позора! Хотя...

Аля скептически оглядела других претендентов – неужели они хуже всех? Да не может этого быть. Все-таки не совсем дилетанты – она год в киноколледже отучилась, а Дима вообще кучу лет в своей школе искусств болтается. Значит, у него и шансов больше? Вот будет прикол, если он пройдет, а она нет...

– А что, и правда петь просят? – услышала Аля и обернулась: рядом стояли девчонки в угрожающе коротких юбках, размалеванные как куклы.

Ничего себе, девочки пришли в театральное поступать! Интересно, они ни с каким другим заведением «Щуку» не перепутали?

– На прослушивании – почти никогда, – отозвалась вторая. – Это уже потом, на втором-третьем туре.

«Ну и славно», – порадовалась про себя Аля. Пение и танцы ей толком не давались. То есть ни ухо, ни ногу ей медведь не отдал, но и особыми талантами она в этих сферах не блистала. Могла, конечно, и спеть, и сплясать, но сама понимала – средненько получается, не сказать, что гениально.

– Все равно это не главное, – продолжала первая девица, и Аля против воли начала прислушиваться к разговору – все равно абитуриентов во дворе толкалось так много, что отходить было некуда. – Пение и танец для актера – таланты второстепенные. На прослушивании важно спеть с душой, а попадаешь ли в ноты или нет – дело десятое. Есть даже термин – актерский вокал. Андрей Миронов так пел, или, там, Харатьян. Голос и слух средние, зато обаяния море!

«Ох, ничего себе!» – приуныла Аля. Девицы, несмотря на дурацкий внешний вид, неплохо подготовились! Может, так и надо было одеваться?

– Кстати, девушкам на прослушивание желательно приходить в юбке, – заметив Алин интерес и окинув ее оценивающим взглядом, заметила вторая девица.

Ну вот, а она специально надела джинсы, чтобы не выпендириваться и не отвлекать внимание комиссии!

– Да, – вмешался в беседу какой-то парень, – но длина юбки должна просматриваться где-то в районе колена, а не...

– А парню желательно быть высокого роста, – отбрила первая девица, не дав ему закончить волнующую фразу.

– Ой, да ладно, – отмахнулся парень. – Много у нас высоких актеров!

Аля слушала и поражалась – и все эти люди хотят стать актерами. Высокие отношения!

Вернулся Дима:

– Все о'кей, мы в списке есть.

– Круто, – хмуро отозвалась Аля. Настроение успело совсем испортиться. – И что теперь?

– Теперь ждать, – вздохнул он.

– Долго?

– Пока не вызовут.

Словно услышав его, на крыльцо взбежал парень с футбольным мячом под мышкой, развернул какую-то бумажку и позвал:

– Товарищи абитуриенты!

Шум, как по команде, смолк, все повернулись на голос.

– Сейчас я буду вызывать по десять человек. Те, кого я назову, выходят на крыльцо, а потом идут за мной.

И парень начал громко выкликать фамилии. Пока собиралась первая десятка, во дворе стояла тишина – все боялись пропустить свою фамилию, – но как только парень увел испуганную стайку, резко зашумели голоса, будто у телевизора включился звук.

– Из десятки обычно один кто-нибудь проходит...

– И это еще хорошо, чаще всего – ни одного!

– А там хоть слушают или сразу обрывают?

– Да когда как – чаще всего долго слушают.

– А в ГИТИСе...

– Какой ГИТИС, он давно уже РАТИ называется, деревня! Российская академия театрального искусства!

– Какая разница! Так вот, в ГИТИСе на первом же прослушивании спеть просят.

– А ты там прошел?

– Только прослушивание. На втором туре срезался...

У Али голова пошла кругом. Она почувствовала себя совсем не в своей тарелке – люди готовятся, собирают информацию, ходят на прослушивания во все театральные подряд, а они пришли дурака валять! Да их гнать отсюда надо, чтобы не тратили время занятых людей...

Аля покосилась на Диму: будь она одна, давно ушла бы. Но нельзя – что скажут и ее, и его одноклассники, узнав, что они трусили? Аля усмехнулась: а что они скажут, узнав, что они дружно провалились?

– Весело? – заметил ее улыбку Дима.

Аля хотела по привычке отбояриться, что-нибудь придумать на ходу, но потом решила: хватит уже стараться непонятно для кого и строить из себя то, чем она не является! Не нравится какая есть – ну и до свиданья! И она, недолго думая, изложила весь извилистый ход своих мыслей.

Как ни странно, Дима вовсе не начал морщиться и зевать от скуки – выслушал вполне внимательно, с серьезной миной. Але даже шальная мысль в голову постучалась: а вдруг? – но она решительно хлопнула перед ней дверь. Хватит с нее неудачных романов!

– Ну и что, – не подозревая о ее метаниях, безмятежно отозвался Дима. – Скажем: просто на разведку ходили – что и как. Чтобы в следующем году быть во всеоружии. Кстати, тут, говорят, осенью подготовительные курсы начинаются. Там актерское мастерство преподают, сценическую речь, движение и все такое. Можно будет пойти.

– Что, мы уже всерьез поступаем в театральный? – изумилась Аля.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Дима. – Ты думала, куда после киноколледжа пойдешь?

– Я... э... – замялась Аля.

Думать-то она, конечно, думала, но обсуждать свои планы с малознакомым парнем была пока не готова.

– Почему бы и не в театральный, – по-своему расценил ее замешательство он.

– Да, – собралась с мыслями Аля. – И правда. Тем более это ничему не мешает – прослушивания в июне, документы вообще в последнюю очередь подают... Можно, кстати, и на курсы походить.

Она пыталась скрыть за многословием вдруг напавшее на нее смущение, но Дима, казалось, ничего не замечал:

– Ну да, они по субботам-воскресеньям, значит, учебе не мешают.

– Помогут, – мрачно кивнула Аля.

Из дверей тем временем начали выходить абитуриенты первой десятки. Их тут же обступили, забросали вопросами:

– Ну как там? Комиссия не злая?

– Долго слушают?

– Вы прошли?

Смущенные парни и девчонки отделялись односложными ответами и явно спешили поскорее скрыться с глаз долой.

– Неужели и мы так же улепетывать будем, только чтобы не объяснять, что не прошли? – вслух задумалась Аля.

– Да ладно, Алька, не парься, – неожиданно фамильярно отозвался Дима. – Все нормально будет.

Она грустно усмехнулась – что и требовалось доказать. Он такой же, как все.

Глава 3

«Мой милый, что тебе я сделала...»

Ожидание измотало до предела. Прошло почти три часа, а они по-прежнему сидели на низеньком заборчике, как курицы на насесте. Их все не вызывали и не вызывали.

– Степанец, – выкрикал парень с крыльца – они уже успели узнать, что это студент, помогающий приемной комиссии.

– Степанец!

Загадочный Степанец не отзывался, и таких было немало – видимо, народ не выдерживал ожидания в нервной обстановке и разбрелся по окрестностям. Или уходил совсем.

– Пойти, что ли, – вяло среагировал сидевший рядом парень.

– А ты Степанец? – оживился Дима. – Чего ж не идешь?

– Да нет, – пояснил тот. – Но на прослушивании представляешься сам, а списки никто не сверяет. Многие так делают – идут вместо тех, кого не оказывается на месте.

– А как же они потом? – заинтересовалась Аля.

– Кто не успел, тот опоздал, – пожал плечами парень, который, однако, так и не пошел прослушиваться вместо неведомого Степанца.

Студент тем временем набрал очередную десятку и увел ее внутрь.

– Да что ж такое, – возмутилась Аля, снова не услышав своей фамилии. – Сколько можно ждать?

– Целый день, – авторитетно отозвался парень.

– Что? – в один голос поразились Аля с Димой.

Тот прищурился и оценивающе посмотрел на них:

– Первый раз, что ли?

И, когда они кивнули, снисходительно заметил:

– Понятно. Все опытные люди знают, что на прослушивание целый день нужен.

– А ты опытный? – заинтересовалась Аля.

– Я уже во ВГИКе был, в Школе-студии МХАТ, в «Щепке»...

– И как успехи?

– Пока нигде не прошел, – сразу сник парень. – Вот теперь в «Щуке» решил попробовать.

И вскинулся, заметив ироничную Алину ухмылку:

– Все равно у парней шансов больше! Девиц куча поступает, а нас мало!

Аля фыркнула и покосилась на Диму – он тоже говорил что-то в этом роде. Тот лишь пожал плечами – мол, видишь, не соврал я тебе.

– Ну и ладно, – вскочила Аля, но тут мимо них пробежал знакомый студент, на ходу вытаскивая из заднего кармана брюк смятую бумажку, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся списком. Поднявшись на крыльцо, он развернул его и выкрикнул:

– Голубева!

Она остановилась и беспомощно посмотрела на Диму.

– Что? – не понял он, и до Али дошло – он не знает ее фамилии.

Ничего не ответив, она отвернулась, выпрямилась и направилась к крыльцу, успев услышать в спину:

– Ни пуха!

Стоя на крыльце, она гордо смотрела сверху вниз на внушительную толпу ожидающих, как будто уже приобщилась к чему-то высокому. Сердце против воли наполнилось радостным волнением.

Студент пересчитал их по головам и махнул рукой:

– Пошли.

Аля успела заметить: несмотря на женоненавистнические прогнозы Димы и незнакомого парнишки, представителей мужского пола в их десятке оказалось примерно столько же, сколько и девчонок. Когда они гуськом вошли в просторный вестибюль, парни, расталкивая девчонок, кинулись к большому зеркалу. Аля хмыкнула – настоящие мужчины хотят стать актерами!

– Пошли, – подгонял студент, которому Аля вдруг остро позавидовала – он уже здесь учится!

И ведь наверняка не ценит своего счастья, забыл, как сам томился во дворе, ожидая очереди на прослушивание...

– Не отставайте, – поторопил парень.

Аля, очнувшись, тряхнула головой, выгоняя несвоевременные мысли, и поспешила за остальными. Ощущение восторга не проходило – будто она уже сюда поступила!

Их завели в помещение, которое почему-то хотелось назвать камерой, и рассадили на стоящие вдоль стен скамьи и стулья.

– Ой! – какая-то девчонка вскрикнула, едва не свалившись на пол – у стула подломилась ножка.

Один из парней все-таки вспомнил о своей принадлежности к мужскому полу и уступил ей место, а сам осторожно устроился на краешке трехногого стула.

– Ждите, – бросил сопровождавший их студент и вышел.

Все разом выдохнули, словно по команде «Вольно» на физре. «Как будто кого-то сюда палкой загоняли», – удивилась про себя Аля. Сама она не то чтобы не волновалась... Просто трезво оценивала свои шансы и мало рассчитывала на пресловутое чудо. Строго говоря, она вообще явилась сюда, преследуя иные цели, и вот их-то как раз достигла – Дима болтается где-то там, во дворе. Намерения относительно нее самой пока неясны, но факт его присутствия говорит о многом.

Дверь открылась, и все мигом подобрались. В класс вошла сторбленная старушка, а следом за ней лысый молодой человек. Они сдержанно поздоровались – абитуриенты ответили нестройным хором. Комиссия уселась за стол, и старуха скрипучим голосом объявила:

– Сейчас вы будете по одному выходить на середину, громко и четко объявлять свою фамилию-имя-отчество, возраст, город и произведение, с которого хотели бы начать. Ясно?

Все подавленно кивнули – куда уж яснее. Аля испугалась: что ей говорить про возраст? Во сколько там народ школу обычно оканчивает, в семнадцать? Впрочем, у нее день рождения в июле, значит, если бы она сейчас окончила не десятый, а одиннадцатый класс, ей было бы шестнадцать... Решено, скажет, что шестнадцать. Всего-то на жалких полтора месяца приемную комиссию обманет.

– Кто хочет начать?

Начинать никто не хотел, и старуха прикрикнула:

– Так, вы зачем вообще сюда пришли?

И тогда девчонка в ядовито-розовом платье неуверенно поднялась и вышла на середину.

– Город Воткинск, – представившись, проговорила она.

– Какой? – поднял голову лысый, старательно конспектировавший ее данные.

– Воткинск, – повторила та и с достоинством пояснила: – Родина Петра Ильича Чайковского.

– Думаете, мы не знаем, где родился Чайковский? – высокомерно осведомилась старуха. И, не дожидаясь ответа, поинтересовалась: – С какого произведения хотели бы начать?

– Марина Цветаева, «Мой милый, что тебе я сделала?»

Старуха кивнула, и девчонка начала.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал – мне.
Мой милый, что тебе я сделала? —

надрывалась она.

И хотя исполнение было ужасным, Аля поневоле прониклась стихами – настолько созвучны они оказались ее собственному отношению к Антону.

– Достаточно, – проскрипела старуха. – Басню.

Девчонка похлопала мелкими глазками на густо накрашенном плоском лице, неуверенно проговорила:

– Сергей Михалков, «Колос и Василек», – и умолкла.

– Ну же, читайте, – поторопила ее старуха.

– Однажды Колос умирал от жажды... – начала она и опять беспомощно замолчала.

– Не помните? – зловеще протянула старуха. – Зачем тогда явились? Я понимаю, вы волнуетесь, но надо приходить подготовленными! Уж если идете поступать, все должны знать назубок!

Девчонка подавленно молчала и уже не делала попыток читать басню.

– Садитесь, – махнула рукой старуха. – Следующий.

Девчонка села, не зная, куда деваться от смущения – Аля ей даже посочувствовала. Не хотела бы она оказаться на ее месте! Но выучить стих наизусть – это же самое простое. Конечно, ходят всякие байки про актеров, которые вдруг забыли текст, но это явно не тот случай. На середину тем временем вышел следующий.

Слушая выступления, Аля успела заскучать: все читали примерно одинаково, никто не поразил ее воображения, и она поверила, что из десятки чаще всего не проходит никто.

Очередь наконец дошла до нее. Аля, почти не волнуясь, вышла на середину, дружелюбно уставилась на приемную комиссию и уверенно сказала:

– Голубева Александра Игоревна, шестнадцать лет, Москва. Анна Ахматова, «Сжала руки под темной вуалью...» – И без промедления начала:

Сжала руки под темной вуалью...

– Подождите, – остановила ее старуха – лысый не успел записать. Когда он наконец оторвался от ведомости, Аля снова начала читать.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру», —

закончила она и поняла, что читала не плохо и не хорошо – так, как на уроке литературы. А этого явно недостаточно.

– Басню, пожалуйста, – попросила старушенция.

– «Лещи», – объявила Аля.

Басню про лещей она тоже прочитала до конца, благо та была недлинная.

– «С чего ты взял, что я охотник до лещей?» – закруглилась она, и ее, поблагодарив, попросили садиться.

Вернувшись на свое место, Аля вдруг поняла, что с ней все понятно и кончено – она не пройдет. На этом она успокоилась и стала смотреть выступление последнего из десятки.

– Калашников Андрей Сергеевич, семнадцать лет, коренной москвич, – объявил он. Старухе его спич не понравился.

– Это еще что такое? – недовольно заметила она. – Надо же, коренной москвич! Вот я про себя могу сказать, что я коренная москвичка!

– Город Москва, – покорно исправился парень.

– Другое дело, – кивнула она. – Что будете читать?

– Заболоцкий, «Можжевельный куст», – объявил парень.

Я увидел во сне можжевельный куст.

Я услышал во тьме металлический хруст...

Аметистовых ягод услышал я звон,

И во сне, в тишине мне понравился он...

Стихи Але запомнились – было в них что-то завораживающее – и она решила на досуге почитать Заболоцкого.

– Прозу, пожалуйста.

– Мне кое-какой реквизит потребуется, – сказал парень, метнулся к своему месту, вытащил из-под стула дипломат, поставил на середину и уселся на него боком.

– Михаил Зошенко, «Верная примета».

И начал, искоса хитро поглядывая на приемную комиссию:

– В приметы во всякие я, товарищи, не верю. Ерунда это...

– Что-то вы слишком разыгрались, – недовольно заметила старушенция, прослушав от силы абзац. – Всем спасибо, подождите снаружи.

Они выкатились в коридор и в изнеможении распластались по стенам. На лестнице тем временем слышался топот – приближалась следующая группа.

– Ну как? – спросил у Али незнакомый парень.

Она вяло отмахнулась:

– Не знаю.

– Ну хоть слушали?

– Да слушать-то слушали...

– Ну что? – доносилось со всех сторон. Это вновь прибывшие теребили уже прослушанных. – Как там вообще?

– Сейчас сами узнаете, – отзывались они.

Из двери высунулся лысый, и все мигом умолкли.

– Господа, всем спасибо, – объявил он и заглянул в бумажку: – Калашников, оставайтесь.

Счастливый обладатель диплома недоверчиво улыбнулся и шагнул внутрь. Остальные загомонили и почему-то не тронулись с места. Аля, ни на кого не глядя, быстро направилась к лестнице.

Она шла, глубоко погружившись в свои мысли, поэтому не сразу заметила, что местность вокруг изменилась. Вынырнув из глубины души, она заозиралась по сторонам и не узнала дорогу, которой они пришли к классу. Прекрасно, она еще и заблудилась! Не в лесу, конечно, но все равно неприятно.

– Девушка, что-то ищите? – вдруг окликнули ее.

Она обернулась – на подоконнике сидели два парня и с любопытством рассматривали ее.

– Выход ищу, – на автомате сообщила она.

– Выход из положения? – ехидно осведомился один.

– Нет, – огрызнулась Аля. – Из этого здания.

Она прибавила хода. От раздражения – вот придурки, а еще в театральном учатся! – у нее прояснилось в голове, и обратный путь вспомнился сам собой. Но когда она собиралась толкнуть тяжелую дверь, ее снова окликнули:

– Девушка!

Она обернулась и узрела парня с подоконника – к счастью, не того, который искрометно шутил про выход.

– А вы что в нашем институте делали? Поступать хотите?

Аля неопределенно пожала плечами – а что еще тут можно делать во время прослушивания.

– И как?

– Никак.

– Первый раз пробовали?

Она снова кивнула.

– Тогда ничего удивительного, с первого раза и без подготовки никто не проходит, – уверил тот. – Вот я... – начал было он, но спохватился: – Сейчас, к сожалению, нет времени рассказывать, мы экзамен сдаем. Может, встретимся как-нибудь?

Аля медлила с ответом – парень ей не очень понравился. Как ни странно, он был совсем не симпатичным: редкие светлые волосики, круглые очки, мелкие черты лица – он напоминал Шурика, героя старинной комедии про «Операцию Ы». «Для таких ролей и нужны подобные персонажи», – осенило Алю. Она еще раз оглядела студента: встречаться с ним не хотелось, но, с другой стороны, как она выкинет из головы Антона? Говорят, клин клином вышибают...

– Хорошо, давайте.

– Ты что, на «вы» меня назвала? – искренне развеселился парень. – Можно без китайских церемоний. Встретимся завтра здесь же... скажем, в пять. Придешь?

– Приду, – со вздохом подтвердила Аля и, когда он уже убежал, запоздало сообразила, что они даже не познакомились. Видимо, так у них, актеров, принято.

Решив не заморачиваться на этом, Аля вышла на крыльцо. Все, кто ждал своей очереди, обернулись, и она, не желая становиться объектом очередных расспросов, слетела с крыльца и понеслась к выходу со двора. Вслед ей послышалось удивленное:

– Она что, прошла?

Глава 4

Двойной капучино

Вылетев за ворота, Аля притормозила. Куда она разбежалась, а Дима? В следующей десятке его не оказалось, значит, он еще ждет... Возвращаться во двор не хотелось, но и просто так уйти было бы свинством, поэтому она нерешительно переминалась с ноги на ногу. Дима сам разрешил ее сомнения, выйдя на улицу.

– Ну как? – задал он стандартный вопрос.

Аля пожала плечами:

– Никак.

– Ну и ладно, пошли отсюда, – неожиданно отреагировал он.

– Почему? – удивилась она. – А ты?

– Да ну, – отмахнулся Дима. – Мне это на фиг не нужно.

– Зачем же тогда пошел? – с возрастающим удивлением поинтересовалась Аля.

– Чтобы с тобой увидеться, – бесхитростно пояснил он, и Аля замерла с открытым ртом.

Второй парень за сегодняшний день приглашает ее на свидание! Чем объяснить такую бешеную популярность? Что в ней вдруг изменилось, если от поклонников не стало отбоя – неужели несчастная любовь к Антону так ее переколбасила, что она стала чем-то привлекать парней?

Дима расценил ее молчание как знак согласия:

– Куда пойдем?

– Подожди, – наконец опомнилась Аля. – Мы вообще-то уже пришли. В театральное училище, вот куда!

– Да, ну а теперь мы оттуда ушли, – бесстрастно заметил Дима. – Куда теперь, гулять? Или, может, в кафе сходим? Выпьем кофе – надо же тебе стресс снять...

– Нет, подожди! – повторила Аля. Смысл происходящего доходил до нее медленно, но верно: – Так ты специально все это подстроил? Ни в какое театральное поступать не собирался, а просто выманил меня на встречу? Ты, наверное, вообще не готовился, не учил ничего? – все больше распалялась она.

– Я учил! – возмутился Дима, словно она была учительницей, уличившей его в несделанном домашнем задании.

– Ты даже не сказал, какие произведения подготовил!

– Александр Сергеевич Пушкин, – вместо ответа громко объявил Дима. И сразу начал:

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волнение?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображение?

– Все, верю, – попыталась остановить его Аля, но он невозмутимо продолжал читать длинное и страстное стихотворение:

Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?

Аля поневоле хмыкнула – это она-то окружена поклонников толпой?

Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.

Прохожих в переулке было мало, но она все равно не знала, куда деваться от стыда. Развернуться и уйти? Но ведь сама виновата – упрекала, что он ничего не выучил... Притом читал Дима хорошо – на месте приемной комиссии Аля без вопросов пропустила бы его в следующий тур. Так и пришлось дослушать Пушкина – а стих чем дальше, тем сильнее приобретал совсем уж интимный оттенок.

– Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю, —

закончил Дима.

Из-за забора училища раздались аплодисменты.

– Ты принят! – заорал кто-то.

Не вынеся этого цирка, Аля схватила его за руку:

– Пошли отсюда.

Они миновали переулок и вышли на Арбат.

– Ну что, куда? – снова спросил Дима.

Аля пожала плечами.

– Пойдем в музей-квартиру Пушкина? – удивил он.

– Продолжить тему? – усмехнулась Аля. – Извини, что-то нет настроения просвещаться.

К тому же там почти нет подлинных вещей, принадлежавших поэту, – блеснула осведомленностью она.

– Откуда ты знаешь?

– Статью читала.

На это Дима не нашел, что возразить, и вернулся к первоначальному варианту:

– Тогда в кафе?

– Давай, – махнула рукой Аля.

Ей, честно говоря, было уже все равно – прослушивание и правда вымотало, убив изрядное количество нервных клеток.

– Есть хочешь? – спросил Дима, когда они вошли в кафе самообслуживания.

Аля покачала головой – она так переволновалась, что хотела только пить.

– А я бы навернул чего-нибудь, хоть и не выступал, – словно спрашивая разрешения, проговорил Дима.

Аля пожала плечами – она разве против. Поэтому Дима взял себе салат «Мимоза» и картошку с мясом, а она – капучино и банановый торт.

Ели молча. Аля быстро заглотала кофе и теперь лениво ковыряла ложечкой сладкое – и зачем только взяла, всухомятку совсем невкусно.

– Еще кофе? – заметил ее манипуляции Дима и, не дождавшись ответа, подхватился к барной стойке.

Аля благодарно кивнула ему вслед, лениво подумав: еще недавно смутилась бы, заверила, что все о'кей, или, в крайнем случае, отправилась за кофе сама. А теперь сидит, как принцесса,

и ждет, когда его принесут. Неужели она и в самом деле начала меняться? Нет, не стала обольщаться Аля, просто ее несколько не волнует сей Дима, поэтому ей плевать, что он подумает и какое она на него произведет впечатление. Дима ей не нравился, а вот это новое настроение – очень. Значит, секрет прост: для того чтобы чувствовать себя в обществе парня комфортно, надо не быть в него влюбленной? М-да. Это было бы идеально, если бы не было так скучно...

Дима вернулся в самый драматический момент ее рассуждений, но Аля нашла в себе силы благодарно улыбнуться. Он-то ни в чем не виноват.

Аля словно посмотрела на себя со стороны: она сидит с молодым человеком в кафе – первый раз, между прочим! – и несколько не удивляется этому факту. Даже не радуется! А все потому, что сидеть здесь она хотела бы совсем не с Димой... И почему мы не можем влюбляться по желанию? Присмотрел приличного человека, который вроде неплохо к тебе относится, раз – и влюбился. А что, удобно. Никаких страданий-переживаний, все счастливы...

– Аль, о чем задумалась? – услышала она и очнулась от своих мыслей.

Дима испытующе смотрел на нее, и она не стала ничего придумывать:

– О любви.

– О любви! – оживился он. – Интересно. И что же ты думаешь о любви?

– Да все думаю – почему люди вечно не в тех, в кого надо, влюбляются, – решила идти до конца Аля, понимая, что ее начинает колбасить от крепкого кофе.

– А в кого надо?

– Ну не в тех, кому они нравятся, в тех, кто наоборот, – путано объяснила она, но Дима, кажется, понял.

– Если бы люди влюблялись по каким-то законам, то любовь и существовать бы перестала, – задумался он. – Когда ты управляешь своим чувством, значит, уже не отдаешься ему без остатка, а все время себя контролируешь. Какая же это любовь?

– А я читала в книге одного психолога, что это очень хорошо и правильно. Первобытные страсти человека вовсе не украшают.

– А холодный расчет украшает?

– Всего должно быть в меру, – проговорила Аля. – Те, кто кончает с собой из-за несчастной любви, явно отдавались ей без остатка!

– Ну мы же клинические случаи не рассматриваем, – усмехнулся Дима. – Разве можно их в пример приводить?

– А какие можно?

– Да вот хотя бы наш, – вдруг сказал он, проникновенно посмотрел ей в глаза и положил ладонь поверх ее руки.

Аля смутилась. Прикосновение не было неприятно, но ее красноречие внезапно иссякло.

– Да не пугайся ты так, – усмехнулся Дима и убрал руку. – Я же для примера.

Аля устыдилась – у нее что, все на лице написано крупными буквами? Когда же она научится владеть собой?

– Ты мне нравишься, – тем временем запросто объявил Дима.

– Извини, не могу ответить тем же, – пробормотала она, на чем свет стоит кляня себя за то, что затеяла этот провокационный разговор.

– Я знаю, – спокойно отозвался он. – И, заметь, не спрашиваю об этом. Но раз ты со мной встретишься, пошла на дурацкое прослушивание и сидишь сейчас в кафе, значит, я тебе не совсем неприятен.

– Ну да... – промямлила Аля, не зная, куда деваться.

– Уж не знаю, кому и что ты хочешь доказать, но подозреваю, что в первую очередь самой себе.

Аля испугалась, что ее уличили в обмане, и поторопилась объяснить:

– Нет, я не...

– Ничего, я не в обиде, – остановил ее Дима. – Не бойся, у меня нет чувства, что меня используют. Ты такая милая и непосредственная, за тобой забавно наблюдать...

– Что? – вскинулась Аля.

Ну надо же, очередной урод-манипулятор! Спасибо, она уже проходила это с Антоном! Вот только сейчас, к счастью, все по-другому: и Дима ей нисколько не нравится, и сам он оказался более порядочным – сразу свои карты раскрыл, – да и она теперь кое-что понимает в колбасных обрезках... Но этот фарс тоже пора заканчивать.

– Спасибо, все было очень, – скороговоркой выпалила она и вскочила из-за стола.

– Постой, – подхватился Дима, – я провожу...

Но Аля не слушала. Только бы не увязался следом, горячо просила она про себя. Только бы не увязался и не вышла безобразная сцена...

И высшие силы ее слышали.

Глава 5

Свидание со студентом

А на следующий день Аля снова топала к Щукинскому училищу. Вчера вечером Дима оборвал ей телефон, пришлось в конце концов его отключить. Сам виноват – надо думать, что говоришь!

Идти на свидание со студентом ей тоже не сильно хотелось и, в общем, ничто не мешало этого не делать – они даже именами не обменялись, не то что телефонами! – но Аля твердо решила измениться. А для этого надо ломать себя, иначе никак. Иначе она опять забьется в свою норку и будет там страдать в одиночестве. И пусть она не ждет от этой встречи ничего хорошего: отрицательный опыт – тоже опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.